

СУДЬБА

Поэт был влюбчив, как и полагается поэту. Стихи его, обращенные к разным дамам и девицам, одно прекрасней другого. Но точный адресат послания почти всегда трудно установить (есть ли, впрочем, в том сильная нужда?). Ведь не доказано, например, даже (лишь предполагается), что «я помню чудное мгновенье...» прямо относится к той самой «прелести» Анне Петровне, усладившей своим явлением дни ссылки в Михайловском и жадно вцепившейся в оброненный Пушкиным листок... Даже и то, скажем, не абсолютный факт, что возвышенная «Мадонна» («Чистейшей прелести чистейший образец...») — непременно о Наталье Николаевне... И так далее и без конца.

Впоследствии женщины, которым оказывал какое-то внимание Пушкин, свидетельствовали потомству свое и спорили, но часто оказывалось, что «спорное» стихотворение — не о той и не о другой, а, может быть, о какой-то третьей. А чаще всего, пожалуй, бывало так, что в стихах имелись в виду все они вместе и никто в отдельности, по большей части — какой-то обобщенный образ и смутный, брезжущий идеал. Но есть при всем том и стихотворения, определенно к кому-то обращенные и вписанные в альбомы. Таковы пушкинские стихи в альбоме Екатерины Николаевны Ушаковой (1809 — 1872).

В ушаковском семействе, милом и не чуждом муз, Александр Сергеевич несколько лет был своим человеком. Его стихи лежали на столах и фортепианах. Писала брату Ивану сестра Елизавета о том, что Екатерина Николаевна «...ни о чем другом не говорит, как только о Пушкине и о его прославленных сочинениях. Она знает их все наизусть. Прямо совсем одурела...» В предчувствии новых гонений поэт обращался к своей юной поклоннице: «Вы ж вздохнете ль обо мне, если буду я повешен?» Но в ответе не было сомнений. Екатерина Ушакова любила, лелеяла надежду, ждала предложения... Из Петербурга Пушкин отвечал на ее (неизвестную нам) записку стихами: «Я вас узнал, о мой оракул! Не по узорной пестроте Сих неподписанных каракул, Но по веселой остроте, Но по приветствиям лукавым, Но по насмешливости злой И по упрекам... столь неправым, И этой прелести живой». Затем — замечательные строки: «И восклицаю с нетерпеньем: Пора! в Москву, в Москву сейчас!» Кажется, предвосхищена нетерпеливость чеховских «Трех сестер» с тем же тоскующим возгласом... Стихотворение кончается жестоким приговором Петербургу: «Здесь речи — лед, сердца — гранит; Здесь нет ни ветренности милой, Ни муз, ни Пресни, ни харит».

Особенно удивительны пушкинские стихи 1829 года, также вписанные в альбом Ушаковой и безусловно принадлежащие хозяйке альбома. Тем не менее они начинались как обращение к Анне Алексеевне Олениной, увлечение которой поэт пережил в некотором промежутке. Устранив присутствовавшее в черновике упоминание о ножках Олениной (одна из них — та самая «маленькая ножка» из стихотворения «Город пышный, город бедный...»), Пушкин в этих стихах словно бы прощается и с Анной, и с Екатериной, и со всей прежней своей холостяцкой жизнью. Это прошлое как бы перетекло в отдаленное будущее, застыло, превратилось в «красоты воспоминанье». Однако расставание с Ушаковой сердечно, дружелюбно, трогательно, как завещание, и пронизано грустноватым юмором: «И строк небрежных начертанье Внощу смиренно в ваш альбом. Авось на

Забор на Пресненском поле

АЛЕКСАНДР ПУШКИН
И ЕКАТЕРИНА УШАКОВА

Моск. новости. — 25-31 мая. — с. 25
память поневоле придет вам тот, кто вас певал В те дни, как Пресненское поле Еще забор не заграждал.

Мемуарист утверждает: «Все думали, что он влюблен в Ушакову; но он ездил, как после сам говорил, всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон первой. Женитьба была его несчастье, и все близкие друзья его сожалели, что он женился». Но так это было или не так, однако же Александр Сергеевич бес-

мля горестным мольбам дочери пощадить их: «Мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна: пусть она и умрет с нами». Сохранилось, по счастью, восемь альбомных листков. Уцелела на одном из них и пушкинская строка, равная целому стихотворению: «Трудясь над образом прекрасной Ушаковой».

Должно быть, Екатерина Николаевна Ушакова могла бы стать Пушкининой... Но вот роковая запись Бартечева: «Однажды Пушкин пришел к Ушаковым и в разговоре сообщил, что он был у гадалыщицы, которая предсказала ему, что он «умрет от своей жены». Хотя это сказано было как бы в шутку, как нелепое вранье гадалыщицы, однако Е.Н. Ушакова взглянула на это предсказание заботливо и объявила Пушкину, что, так как он не послушался ее и был у гадалыщицы, то она сомневается в силе его любви к ней; а с другой стороны, предвещание, хотя и несбыточное, все-таки заставило бы ее постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человека, которого она безгранично полюбила, если делается его женой; поэтому она и решает отказаться ему для него же самого. Дело разошлось...»

Невозможно не задуматься над этим — «умрет от своей жены». Здесь — нечто родственное предсказанию седого волхва из «Песни о вещем Олеге»: «Но примешь ты смерть от коня своего». Князя Олега ужалила змея, выползшая из конского черепа. Прямой вины коня в том не было, но гибель все-таки ходила где-то неподалеку... Александр Пушкин, как ведомо нам, очень суеверный, в судьбу верил. Поверила и Екатерина Ушакова и не захотела стать даже невольным орудием этой извилистой судьбы.

Нынешняя Москва так велика! А старая, историческая, сжалась, стала такой маленькой, что путь, по которому на извозчике проезжал Пушкин, направляясь к дому Ушаковой мимо окон Гончаровой, теперь короток для пешехода. На этом пути — и церковь, в которой при венчании Александра Сергеевича с Натальей Николаевной с аналог упали крест и евангелие. Давным-давно нет особнячков Пресни, старой Москвы, тех домиков, которые для поэтессы нашего века были «слава прабабушек томных». В советское время дорогие для Пушкина места были поименованы улицей товарища Замоленова. Многие здесь разрушилось и возвелось в промежутке между баррикадами 1905 и 1991 годов.

В позднесталинские времена воспарил к небесам высотный дом, увенчанный шпилем и подобный дворцу Кошца Бессмертного. Воздвиглись и новые заборы. Племенем младым, незнакомым настлан асфальт и прорыто метро. А уж Пресненское-то поле подверглось первоначальной застройке еще при жизни Пушкина. И всего долговечней и прочнее оказались пушкинские слова, которые иной раз вспомнишь на ходу:

Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

поворотно сделал выбор в пользу Гончаровой. Тем самым в пользу будущей своей, слишком хорошо известной нам судьбы, протекшей в отдалении от Пресни, от муз ее и харит. В туманном итоге — выбор в пользу города, где «речи — лед, сердца — гранит...»

В записной книжке Павла Ивановича Бартечева уточнено: «Екатерина Ушакова была в полном смысле красавица: блондинка с пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста среднего, густые косы нависли до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься литературой». Все-таки здесь невольно вспомнится Наталья Николаевна, которую стихи мужа несколько утомляли, которая негодовала, если он ночью, вдруг проснувшись, пытался их прочитать. И Пушкин покорно засыпал, а стихи чудные забывались... Но что ж, может быть, Александра Сергеевича отпугнуло именно это — «выражение лица очень умное»? Да и такая неумеренная, «неженская» страсть к литературе не показалась ли профессиональному литератору чрезмерной? Впрочем, оставим домыслы, что гадать! Главное ведь — сердцу не прикажешь... А между тем современные исследователи негладно изыскали ученическое сочинение толковой девочки Наташи Гончаровой, посвященное стихосложению.

Самое печальное для нас в истории дружбы Пушкина и Ушаковой — гибель большинства бумаг, с этой дружбой связанных. Два альбома, испещренных рисунками и записями Пушкина, Екатерине Николаевне пришлось предать огню по требованию неразумного жениха; было это, очевидно, в год смерти Александра Сергеевича. Письма Пушкина Ушакова сожгла по воле воле перед своей смертью, не вне-